

**Липкин Аркадий
Исакович** —
профессор кафедры
философии МФТИ, доктор
философских наук

Типы мультикультурности в современном мире

В современном мире явно просматриваются две во многом противоположные тенденции. Одна — выраженная программой «устойчивого развития» — смотрит далеко вперед и призывает учитывать «потребности нынешнего и будущих поколений». Другая тенденция обращена к дню сегодняшнему и связана с обострением политических и социально-культурных конфликтов в различных точках планеты. Обе эти тенденции связаны с современной фазой процесса глобализации. Данная статья посвящена проблемам мультикультурности тесно, связанным со второй тенденцией.

Мультикультурность может быть различных типов и уровней. Я различаю пять уровней: глобальный, уровень локальных цивилизаций, субцивилизаций, государств, этносов, где единицы нижнего уровня включаются в единицу более высокого уровня (матрешечная структура). Полагаю, что зрелые культуры одного уровня влияют друг на друга, но не смешиваются. Они подобны языкам: национальный язык образуется на основании одного из диалектов, а не как смесь диалектов. Но общая культура может быть создана на следующем уровне. Таким образом, существует глобальный уровень, но наряду с ним существуют локальные цивилизации и т.д.

В предлагаемой системе понятий локальные цивилизации отличаются системой смыслов, идеалов, высших ценностей и принципов, связанных со смыслом жизни (только часть из них определяется религией). Они составляют «духовное ядро» любой локальной цивилизации. Эти ядра обладают высокой устойчивостью и отличают друг от друга западную, индийскую, китайскую, ближне- и дальневосточные и другие локальные цивилизации. Внутри каждой из них могут выделяться субцивилизации, культивирующие близкие, но частично отличные смыслы, как в случае Западной Европы и Северной Америки (это отражается в интенсивно обсуждаемом в последние десятилетия отличии «американской мечты» от «европейской мечты»). Религиозные отличия обычно принадлежат этим двум уровням.

Есть еще одно различие цивилизационного или субцивилизационного уровня, которое определяет отличие стран Запада от большей части незападных стран. Это базовые принципы отношений в обществе и его институтах (политических и др.). Назовем его «политическим ядром». Для античной цивилизации — это полисная организация жизни городов-государств. Для интересующих нас больших (по сравнению с городом-государством) государств мы выделяем два типа принципов — «приказной» и «договорной»¹ [Липкин, 2012а].

Суть второго, «договорного» принципа состоит в том, что у всех сторон, между которыми заключается договор, есть свои права. Этот тип отношений характерен для европейской (западной) цивилизации.

Суть первого (более древнего и распространенного) состоит в том, что он

предполагает жесткую иерархию, в которой у нижестоящей стороны нет прав, приказ однонаправлен «сверху вниз» («вертикаль власти»), поэтому законы здесь закрепляют не права, а компетенции и наказания за невыполнение приказа (как это было в Китае). В этой системе можно выделить две подсистемы: 1) «базовую», состоящую из «народной массы» и «правителя», и 2) «сопутствующую», состоящую из «правителя» (включая его ближний круг — «двор», это среда вызревания дворцовых интриг и переворотов), а также находящихся на службе у правителя (прямо или косвенно) «служащих». Во второй подсистеме культивируется «высокая культура» (как правило, светская), связанная с образованием и предназначенная индивиду.

Есть еще одно важное различие, принадлежащее этому уровню, — различие между четырьмя разными типами общностей и соответствующих им индивидов: 1) коллективистский (не-, до- или деиндивидуальный); 2) индивидуально-прагматический; 3) индивидуально-идеалистический; 4) коммунитаристский. Первый дополняется идеологиями, которые могут быть религиозными, националистическими, фашистскими, коммунистическими. Второй отвечает эгоистическому индивидуализму (часто гедонистическому), в котором индивиды связаны в общество прагматическими интересами (поэтому общество в таком состоянии неустойчиво и либо возвращается к первому, либо прорывается в третий тип). Третий отвечает индивиду, ориентирующемуся в своей жизни на идеалы, которые направляют индивидуальное развитие (в отличие от норм, они предполагают «зазор» с реальностью, это поздний

продукт культуры — продукт «осевого времени» К. Ясперса, предназначенный не коллективу, а индивиду). Четвертый отвечает малой группе («друзей») внутри индивидуализированного общества, объединенных некоторой субкультурой. Представители различных западных (европейских) наций образуют в чужой стране подобные коммунистические группы, то есть инациональные включения.

Следующий уровень — государственный, где социокультурное единство устанавливается: 1) чувством надсловного единства страны и принадлежности этому единству, 2) высокой светской индивидуализированной национальной литературой², задающей типы индивида (аристократа, горожанина, крестьянина) и типы индивидуального поведения и переживания в разных жизненных ситуациях. Национальное государство является специальным случаем государства, рожденным в Европе. Его «культурное ядро» составляют национальная история и национальная литература, которые выполняют, соответственно, первую и вторую функции. Концепция нации является светской, индивидуализированной и несловной. Политическое единство национального государства формируется его границами и гражданством (если есть только социокультурное единство, то мы имеем случай диаспоры) [Липкин, 2012b].

Мы можем различить три принципиально разных типа национальных государств, исходя из характера процесса их формирования. К *первому типу* отнесем национальные государства, где процессы складывания локального государства и культурной и политической

национальной общности шли совместно при ведущей роли первого процесса, как это было в Англии и Франции. Там возникают образцы культурной и политической (гражданской) нации и нации-государства. На них ориентируются возникавшие в XIX–XX вв. национальные государства второго типа, в которых, наоборот, исходной точкой были не государственные границы, а сформированное «культурное ядро». На его основе шел процесс образования национальных государств: а) путем интеграции-объединения (как это было в Германии); б) путем дифференциации внутри более крупных государств, как это произошло в результате развала ряда крупных государств после Первой и Второй мировых войн и после окончания холодной войны (соответственно, в начале, середине и конце XX в.). Процесс их складывания удачно схватывает трехфазная схема Мирослава Хроха³: «в фазе А пробуждается интерес сравнительно небольшой группы образованных людей к языку, истории... За этой культурной фазой развития (на которой создается «культурное ядро». — А.Л.) следует фаза национальной агитации (фаза Б). Теперь группа патриотов преследует цель внедрения национального сознания в более широкие слои населения, мобилизации этого населения и его интеграции в национальное сообщество. Если это достигнуто, национальное движение вступает в третью фазу (фазу В) — массовое движение, в котором большая часть общества охвачена идеями национального самосознания и стремится к такой цели, как политическая автономия» (Цит. по [Капеллер, 1997, с. 156–157]). Довольно часто фазы Б и/или В сопровождаются

вспышкой национализма, под которым мы понимаем деиндивидуализированное состояние, использующее национальную историю в качестве коллективного мифа.

К третьему типу отнесем локальные государства, названные «национальными», поскольку во второй половине XX в. так стали называть все государства, хотя внутри них национальные общности не сформировались (массовое их возникновение связано с процессом деколонизации во второй половине XX в.).

Этнический уровень (аспект) очень важен при рассмотрении демографических процессов, но в плане культуры он определяет различные формы быта, например различные кухни.

Используя эти понятия, можно выделить несколько типов мультикультурности.

Западная «мультикультурность I» 1960–1980-х гг. возникла в развитых странах Запада на фоне существенного роста благосостояния и досуга (это постнациональный феномен). «Начиная с конца 1960-х годов, — пишет М. Вевьерка, — производство культурных различий в наших обществах растет... Чем более модерными или гипермодерными (могут сказать — постмодерными...) являются наши общества, тем сильнее тенденция изобретать различия..., используя культурные материалы, заимствованные из настоящего, прошлого, из обычаев, форм прежнего искусства, истории и т.д.» [Вевьерка, 2005, с. 18–19]. При этом, и это принципиально важно для «мультикультурности I», возникающие группы не противопоставляют себя системе либерально-демократических ценностей, а вписаны в нее. Все эти явления (включая споры

либералов и коммунитаристов) имеют место в индивидуализированном обществе внутри европейской цивилизации, в обществе, разделяющем идеалы прав и свобод личности, демократического и светского характера государства (подробнее см. [Липкин, 2011]).

Мультикультурализм — это тип политики, предназначенной для «мультикультурности I». Неадекватность такой политики для «мультикультурности II» 2000-х гг. кроется за горестными восклицаниями ряда лидеров западных стран: «Политика мультикультурализма провалилась!»

«Мультикультурность II» возникает в Европе в конце 1990-х гг. Это новый тип мультикультурности, приводящий к принципиально другой ситуации и проблемам другого уровня. Источником этих проблем стала массовая иммиграция из исламского мира, вызванная новой фазой процесса глобализации. По сути, речь идет о процессе «глобальной урбанизации», где развитые страны играют роль города, а слаборазвитые — деревни. В результате этого процесса внутри западных обществ, особенно в мегаполисах, образовались компактные скопления бедных иноцивилизационных (по происхождению) масс с повышенным репродуктивным потенциалом, которые во втором-третьем поколении порождают острые и сложные проблемы, где пересекаются политические, социальные, демографические и международные процессы и проблемы (с ними и столкнулась современная Европа) [Липкин, 2012].

Принципиальная разница между этим и предыдущим этапом мультикультурности состоит еще и в том, что раньше меньшинства не претендовали

ни на то, чтобы стать большинством, ни на то, чтобы диктовать другим свои порядки.

Современный процесс глобализации приводит к тому, что ни развитый Запад не может прекратить поток иммигрантов (предпринимать такие попытки, по-видимому, уже поздно, даже если бы это было возможно), ни исламский мир изолировать себя от «тлетворного», с его точки зрения, культурного влияния Запада в форме «общества потребления». Старые средства изоляции здесь не работают из-за наличия современных СМИ, транспортной доступности, демократических законов. Иноцивизационность делает эту проблему глобальной, нелокализуемой в границах государств.

В результате мы имеем следующую структуру:

$$M (Ma+Mb) <::: > W \{ (WMb + WMa) + Wa \},$$

где W — население западных стран, M — население внешнего мусульманского мира, внутри которого есть слой индивидуализированных и образованных индивидов (Ma), и коллективистский слой (Mb). WMb и WMa — это находящиеся внутри западного общества коллективистские и индивидуализированные слои, порожденные иммиграцией из исламского мира, Wa — основное население западных стран. Имеют место как связи между Ma и Mb , MWa и MWb , так и взаимодействия между Ma и MWa , Mb и MWb .

Интеграция внутри западных стран для MWa представляет менее принципиальные проблемы (типа тех, что имеют место при мультикультурности I), чем для MWb (но проблемы последних уси-

ливают проблемы первых, потому что внутри западного общества плохо различают представителей MWa и MWb).

В случае мультикультурности II является место для конфликта между коллективистскими группами западных цивилизаций и индивидуализированным западным миром с его идеалами и принципами. Такой конфликт не может быть разрешен на рациональном уровне и очень опасен (он часто ведет к войнам). Известный путь решения этой проблемы тот же, что и при окончании религиозных войн в Европе XVI в.: перемещение решения вопросов о смысле жизни в приватную сферу и постановка в центр публичной сферы общего для всех права и светского государства, то есть национального единства. Но это возможно только для индивидуализированного общества. Кроме того, для мусульман с их шариатом, связывающим право с религией, подобное решение требует какого-то реформирования ислама.

Война на уничтожение (или насильное подчинение) является более простой альтернативой. Ситуация с Аль-Каидой, Афганистаном, Ираком, палестино-израильским конфликтом и другими демонстрирует такую военную альтернативу. Это путь, к которому склонны фундаменталисты всех окрасок.

Вне западного мира довольно распространена мультикультурность III, напоминающая национализм в Европе начала XX в. Этот процесс напоминает процесс формирования национальных государств второго типа, но идет под религиозным флагом, здесь единство коллективистского типа основано на религиозной, а не на националистической идеологии. Поэтому эти процессы

ведут к локальному, но не светскому национальному государству.

Другой тип мультикультурности вне западного мира — полицивилизационная *мультикультурность IV* является результатом того, что современный процесс глобализации индуцирует внутри незападных стран слой общества, разделяющий западные идеалы.

Современный процесс глобализации с неизбежным информационным и коммуникационным воздействием Запада на «приказные» системы формирует в «сопутствующей» подсистеме слой бикультурных индивидов, которые причастны как к демократическим идеалам западной культуры, так и к индивидуализированной высокой исламской культуре. Это порождает мультикультурность внутри незападного общества и создает конфликт между этой частью «сопутствующей» подсистемы и «базовой» подсистемой, который может иметь очень сложные последствия.

Один из важнейших процессов в «базовой подсистеме», носящий циклический характер, определяется происходящими время от времени «бунтами» «народных масс». В случае победы бунт сметает вторую подсистему, но затем воссоздается та же структура (но с другими людьми и, возможно, с другой высокой культурой). Именно восстановление старой структуры, с одной стороны, отличает «победный бунт» от революции, которая подразумевает изменение структуры, а с другой стороны, указывает на то, что «приказная» система формируется не «сверху» — со стороны «правителя», а «снизу» — со стороны «народных масс», которые, в отличие от граждан «народа-нации», передают

(делегируют) «правителю» право (и ответственность!) за принятие внешних макрорешений и разрешений возникающих внутри споров, чем и создается это место.

В современной международной политике западных государств не учитывается возможность укорененности «приказного» принципа в «народной массе» многих государств. Поэтому Запад (из лучших побуждений) начинает помогать указанному демократически ориентированному тонкому слою свергнуть авторитарную власть. Но поскольку, как было сказано выше, «приказная» система устанавливается не сверху, а снизу, то в случае «незрелости» системы происходит не демократическая революция, а «победный бунт», в результате которого восстанавливается прежняя приказная система (часто более низкого качества) [Липкин, 2012a] (полагаю, что во многих арабских странах именно так и происходит). Из этого, по-видимому, следует запрос не только на религиозную, но и на политическую терпимость. «Приказные» системы проигрывают «демократическим» во многих отношениях (об этом свидетельствует переход от «приказной» к «договорной» системе в Японии и Южной Корее), но демократия очень нежное растение и процесс заражения идеями демократии может быть сложен и долот.

Глобальная *мультикультурность V* относится к относительно тонкому, но очень влиятельному во многих сферах, включая культуру, глобальному интернациональному экстерриториальному индивидуализированному и высококультурному слою. Она по своему характеру во многом близка мультикультурности I, но место конфликта между ли-

берализмом и коммунитаризмом здесь, похоже, занимает конфликт между глобалистами и антиглобалистами, тяготеющими, соответственно, к либералам и новым левым.

Итак, мы выделили пять видов мультикультурности, которые приводят к проблемам разного типа и глубины. Однако часто они не различаются и рассматриваются через призму «мультикультурализма», который является типом политики, развитым для западной «мультикультурности I» 1960–1980-х гг. Это неадекватная политика для современных мультикультурализмов других типов.

Наиболее сложными являются проблемы полицивилизационной мультикультурности. Здесь появляются трудно преодолимые противоречия между коллективистским и индивидуалистическим взглядами на смысл жизни, между идеалами «потребительского общества» и «духовностью», между институциональными принципами «приказной» и «договорной» систем (европейско-исламская мультикультурность относится к данному типу). Эти проблемы трудно решить на рациональном уровне, что чрезвычайно усложняет реализацию идеи «диалога цивилизаций», которая была провозглашена как альтернатива войне. Диалог работает, в первую очередь, на уровне индивидов и индивидуализированных обществ. Поэтому инициатива здесь должна принадлежать Западу, которому, в первую очередь, надо посмотреть на ситуацию сквозь правильную «оптику». После чего первое, что можно было бы сделать, это расширить область толерантности с области религий и культур на институциональные принципы, то есть

на «приказные» системы. Вторым, наверное, более сложным шагом со стороны западных обществ был бы отход от идеалов «общества потребления», о котором на Западе уже более века многие гуманисты и мыслители говорят как о кризисном состоянии общества. Эти два очень сложных для Запада шага могут снять остроту указанных выше проблем, без решения которых трудно рассчитывать на успешную реализацию глобальной программы «устойчивого развития».

Литература

1. Вевьерка М. 2. (2005) Формирование различий // Социс. Социологические исследования: Научный и общественно-политический журнал. № 8. С. 13–24.
2. Капеллер А. Россия — многонациональная империя. М., 1997.
3. Липкин А.И. (2012а) «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в истории России. Препринт WP17/2012/01 Серия WP17. Научные доклады Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ. М.: ВШЭ (http://www.hse.ru/data/2012/04/10/1251631302/WP17_2012_01_f.pdf).
4. Липкин А.И. 7. (2012b) К вопросу о понятиях национальной общности и национального культурного ядра // Вестник российской нации, № 4–5.
5. Липкин А.И. 8. (2011) Проблемы мультикультурных обществ. Междивилизационный аспект в условиях глобализации // От рисков неста-

бильности к устойчивому развитию.

Часть II. Дилеммы мультикультурализма и национализма. М. С. 7–23.

6. Липкин А.И. 7. (2012 с)

Социокультурные аспекты глобализации и проблема полицивилизационной мультикультуранности // Партнерство цивилизаций. 2012, №4. С. 81–94.

Примечания

1. Это различие близко введенному Г. Спенсером в его киге «Личность и государство» (1884) различению «насильственной» и «добровольной» форм кооперации.
2. При рассмотрении немецкой нации как культурной общности («культурной нации») О. Данном тоже выделяются формирование национальнй литературы и истории как особо значимые процессы и «образованный класс», в среде которого это происходит.
3. Если ее очистить от примордиальной модели, к которой тяготел М. Хрох.